

ББК Т3(4Ю) Т3(476); УДК 94(497.16); DOI 10.21638/11701/spbu19.2017.206

Р. Распопович

ВОЗМОЖНОСТИ СОХРАНЕНИЯ И УКРЕПЛЕНИЯ СЛАВЯНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ РАСПАДА СЛАВЯНСКИХ ГОСУДАРСТВ (НА ПРИМЕРЕ ПОЛУЧЕНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ ЧЕРНОГОРИЕЙ)

Индивидуальная и коллективная идентичности являются основополагающими ценностями славянского этноса. Однако возможность и необходимость приверженности им в условиях крупных общественных изменений, произошедших в большинстве славянских государств в последнее время, подвергается сомнению. Вопрос об идентичности может быть поставлен в разных ракурсах¹, но несомненно, что в основе толкования данного понятия лежит та или иная система ценностей. По верному замечанию С. Томович, «... понятие идентичности на самом деле представляет собой синоним понятия ценности, но охватывает не одну ценность, а плюрализм ценностей». Это означает, что любая

¹ *Joireman S. F.* Nationalism and Political Identity. London; New York: Continuum, 2004. P. 168; *Štiks I.* Nations and Citizens in Yugoslavia and the Post-Yugoslav States: One Hundred Years of Citizenship. London: Bloomsbury Academic, 2015. P. 203; *Eriksen T. H.* Ethnicity and Nationalism: Anthropological Perspectives. London: Pluto Press, 1993. P. 179; *Henry E. H.* The Foundations of Ethnic Politics, Separatism of States and Nations in Eurasia and the World. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 181; *Bartkus V. O.* The Dynamics of Secession. London: Cambridge University Press, 2004. P. 264; *Breen K., O'Neill S.* After the Nation? Critical Reflection on Nationalism and Postnationalism. New York, 2010. P. 278; *Gellner E.* Nationalism. London: Weidenfeld & Nicolson, 1997. P. 109; *Huszka B.* Secessionist Movements and Ethnic Conflict, Debate-framing and Rhetoric in Independence Campaigns. London; New York: Routledge, 2014. P. 224; *Moore M.* National Self-determination and Secession. New York: Oxford University Press, 2003. P. 285; *Brass P. R.* Ethnicity and Nationalism. New Delhi: Sage Publications, 1991. P. 358; *Cordell K., Wolff S.* Routledge Handbook on Ethnic Conflict. London: Routledge, 2010. P. 340; *Moran A.* Race / Ethnicity and Social and Cultural Theory // Routledge Handbook of Social and Cultural Theory. London: Routledge, 2013. P. 16.

идентичность представляет собой «...совокупность ценностей как постоянных континуитетов определенной основы идентичности и ее узнаваемости»².

Основной ценностью славянского мира долгие годы выступало стремление к национальному освобождению, обретению государственного суверенитета. Именно в этом ключе ее трактовали славянофилы, утверждавшие: «Все, что существует, должно существовать. Все, что существует, стремится сохранить это свое особенное, самобытное», то есть «неохотно отказывается от себя самого»³.

Однако современные отношения в международном сообществе отличаются от отношений, существовавших во времена славянофилов. Революция в области информационных технологий и реконструкция капитализма создали новую форму общества — сетевое общество. Нации, этнические и религиозные группы, семьи как основополагающие ценности многовекового существования этнических сообществ поставлены под вопрос.

Когда война на Балканах в конце XX в. закончилась, СФРЮ исчезла, как и в случае с СССР, а потом с начала XXI в. и СР Югославия, которую создавали Сербия и Черногория. Новообразованные, международнопризнанные национальные государства раньше республики СФРЮ начали свой новый путь — в Европу. Этот курс сопровождался значительным удалением от прежних ценностей идентичности и идеологическим поворотом в направлении новых, «европейских» общественных стандартов, изменяющих ранее существующую этническую идентичность этих государств в идентичность гражданскую.

После распада Югославии «углубленная» европеизация образовавшихся на ее основе стран была вверена национальным политическим элитам. Они сохранили все национальные комплексы, которые проявлялись в виде национальных мифов, одержимости прошлым, актуализации сказаний о происхождении народов, культе национального языка, особенностей конфессиональных отношений. Это обусловило специфику межнациональных отношений, характеризующихся нетерпимостью и низким уровнем взаимного сотрудничества. Вместо того, чтобы запланированно вытеснить кредиты прошлого «вхождением в Европу», при вмешательстве или без прямого вовлечения победителей холодной войны, т. е. их международных политических институтов, прежний раскол не только сохранился почти на том же уровне, но иногда и сопровождался серьезными политическими обострениями (например, кризис в Македонии). Можно даже сказать, что с точки зрения совокупного восприятия все осталось в рамках существующих ранее исторических стереотипов о хороших и плохих парнях, или о народах с хорошими или плохими историческими традициями.

При этом от новых национальных элит ждали переоценки прошлого. Они получили право на создание «новой истории». И. Чолович так охарактеризовал это явление применительно к хорватской истории: «Мифы о древности хорватской нации и языка, иранском происхождении хорватов и давнем присутствии на европейской земле являются показателями одержимости прошлым в формировании новой национальной идентичности после девяностых годов. Приобретение государством самостоятельности и победа новой идеологии означали установление новых политических ритуалов, новых мифов и новой картины истории, как третьей наиболее важной составляющей

² Šundić S. T. *Indentitet i vrijednosti*. Podgorica, 2010. S. 159.

³ Данилевски Н. *Русија и Европа*. Београд, 1994. С. 9.

идентичности»⁴. Он делает вывод, что «речь идет о переинтерпретации хорватской истории, в которой посредством идеологической селекции отобраны наиболее важные исторические личности, события и признаки, которые могли бы служить конкретным оправданием хорватской политики в конце восьмидесятых и начале девяностых годов»⁵. Но это явление применительно не только к хорватской истории.

Интересный комментарий к оценке вышеописанного процесса дает З. Арачки: «В коллективном сознании европейцев, из-за символического потенциала и негативной семантики, Балканы представляют собой наиболее экономически неразвитый и ничтожный с точки зрения цивилизации регион»⁶. Он отмечает, что «специфика Балкан, в отличие от других территорий, состоит в том, что их нельзя рассматривать только как географический или даже как культурный регион, так как Балканы отмечены множеством стереотипов и метафор и массой предрассудков, возникших за прошедшие два столетия». Последствие указанной специфики в том, что «эти предрассудки варьируются от позитивных (романтизация территории) до негативных, подобных мнению, что Балканы являются территорией многовековой ненависти и насилия, приговоренной к постоянному прозябанию в состоянии, близком к вымиранию, к застою, отсталости, примитивности, варварству»⁷.

Основой конституирования новых национальных государств как в Восточной Европе, так и на Балканах, стал национальный фактор, но не в качестве национально-освободительного. Согласно определению Марии Тодоровой, Балканы являются «...частью единой Восточной Европы, которую запад считал однородным спутником СССР; между тем, другая часть с готовностью включается в Западную Европу, что можно объяснить доминантной антикоммунистической паранойей. На самих Балканах вытеснено ощущение балканского единства, а их население даже в самопознании ориентировалось на ось Восток–Запад»⁸. Это не было видом реализации права народа на самоопределение, хотя создание новых национальных государств служило защите прав человека и демократии. Оно выполняло функцию защиты традиционных ценностей малых народов, которые после падения СССР, СФРЮ и СРЮ впервые приобрели государственность, или которые были сформированы совсем недавно или искусственным способом (Македония).

Что касается Черногории, здесь речь шла не о создании, а об обновлении независимого государственного статуса (2006 г.). В теоретических анализах этот процесс, касающийся новой модели общественных отношений, получил в основном положительную оценку. Историческая прогрессивность замены одной общественной системы другой не ставилась под вопрос. Запад воспринимался как образец, который «...представляет собой единственную истинную территорию современности; принципы либеральной экономики и рыночного капитализма повсеместно ворвались в сознание, сроднившееся с принципами самоуправленческого социализма и диктатуры плюрализма»⁹.

⁴ Čolović I. Zid je mrtav, živjeli zidovi! Pad berlinskog zida i raspad Jugoslavije. Beograd, 2009. S. 98.

⁵ Čolović I. Zid je mrtav, živjeli zidovi! S. 98.

⁶ Арачки З. Медијско раскршће балканских култура // Традиција, модернизација, идентитет. Дијалог култура и партнерство цивилизација на Балкану. Ниш, 2013. С. 394.

⁷ Арачки З. Медијско раскршће балканских култура... С. 394.

⁸ Тодорова М. Имагинарни Балкан. Београд, 1999. С. 243.

⁹ Vojvodić R. Crnogorski kulturni indentitet izlazak iz unutrašnjeg egzila // Crnogorske studije kulture i indentiteta. Zbornok. Cetinje, 2016. S. 6.

А. С. Йованович в связи с этим пишет: «Современные балканские страны после разрушения тоталитарных социалистических режимов пошли по пути перестройки к построению современного гражданского общества. Этот путь не будет ни легким, ни прямым. Формально выбирая путь модернизации, балканцы весьма открыто заигрывают с процессом детрадиционализации, зачастую перерастающим в вульгаризацию традиции и традиционализм»¹⁰. По мнению ученого, «балканская одержимость прошлым представляет собой значительное препятствие на пути развития общества». «Вопрос традиции и модернизации для нас на самом деле является вопросом сохранения традиции и избегания ловушки традиционализма. Вопреки всем изменениям, сегодня большинство балканских государств нельзя отнести к современному обществу», — добавляет А. С. Йованович¹¹.

Однако данные процессы в Черногории начали происходить гораздо раньше. Они зародились не внутри коллективного осознания народа. Концепция ценностного преобразования общества пришла сверху, от политической элиты, имеющей «мандат народа для осуществления власти». С помощью политических средств проект общественного преобразования за относительно короткий исторический период был «опущен» на уровень граждан, которые выразили поддержку, будучи уверенными в правильности концепции или по иным причинам (возможно, в угоду властям)¹². Так как этот процесс протекал практически одновременно с распадом югославского государства, он был тесно с ним связан. Кроме последователей этого проекта были и те, кто выступал против него.

После распада второй Югославии и распада третьего югославского государства подразумевался распад и прежней югославской культуры. Это означает, что «распад единой югославской территории и формирование черногорской культурной территории вновь оживили подавляемый в течение многих десятилетий вопрос черногорской идентичности»¹³. По логике вещей, такое утверждение может породить противоположный вопрос: в какой мере актуализация вопроса о черногорской идентичности ускорила процесс распада второй или третьей Югославии? Стремление к членству в ЕС формально было фундаментом «конструкции» требования к формированию черногорской идентичности в рамках исторического, этнического, языкового и религиозного дискурса. После того как Черногория приобрела независимость, государственное вмешательство было направлено на формирование черногорской идентичности в целях европеизации независимого государства.

Однако данный процесс имел два аспекта. С одной стороны, Черногория не является новым государством, так как речь идет о восстановлении ее независимости. Но и сегодня, и в прошлые века для черногорцев был важен вопрос сохранения идентичности. В более ранние века Черногория защищала и сохраняла свою самобытность от мощного влияния соседних государств, противодействующих основным принципам славянской культуры, при помощи и поддержке единоплеменной России. У черногорцев не было

¹⁰ *Самокал Јовановић А.* Традиционални стереотипи и модерне културне вредности као извора културног идентитета балканског народа // *Традиција, модернизација, идентитет...* С. 441.

¹¹ *Самокал Јовановић А.* Традиционални стереотипи... С. 441.

¹² *Cerutti F.* *Identitet i politika.* Zagreb, 2006. S. 193.

¹³ *Vojevodić R.* *Crnogorski kulturni identitet...* S. 6.

возможности изучать историю славянской православной цивилизации и знакомиться с достижениями славистики, и таким образом познакомиться с ценностями мира, к которому они принадлежали. Для них эти ценности олицетворяла мощь великой России. Кроме того, на идентичность черногорцев влияли и прозападно ориентированные внутривосточные силы, враждебно относящиеся к значительно развитому культу России в православной Черногории.

Другой аспект, имеющий значение для ценностей идентичности черногорцев как в прошлом, так и сегодня, касается черногорско-сербского культурного круга. Раньше идентичность черногорцев определяло осознание сербского происхождения, а именно то, что Черногория, будучи черногорской, одновременно была и страной сербского народа с идентичным языком и алфавитом, одной верой и общими историческими задачами. Но нельзя поспорить с тем фактом, что при создании своего государства черногорцы сформировали свою собственную историческую память и свою особую идентичность, которая не отрицала принадлежности к сербскому этническому и культурному кругу, но и не подразумевала полной тождественности.

После того как по окончании холодной войны начались уже упомянутые нами процессы, возник обоснованный вопрос о том, каким образом можно сформировать современную черногорскую идентичность. Независимость от сербской культуры предполагалась и доказывалась толкованием различных упоминаний, например: «В XVII и XX веке писали о том, что Черногория — единственная страна на Балканах, которую турки никогда не смогли покорить, и что черногорцы — часть славяносербского народа»¹⁴. Хотя истинность данного упоминания ставится под сомнение «из-за сознательного вымысла и впадения в крайность», высказываются и мнения о том, что «...такие утверждения появлялись в XIX веке вследствие политических потребностей черногорских правителей, но официально никогда не было оспорено, что Черногория и черногорцы представляют особую идентичность»¹⁵.

Нельзя не согласиться с тем, что в процессе строительства своего государства черногорцы создали свою отличительную идентичность и выстроили собственную историческую память. Но если черногорская идентичность действительно неоспорима веками, какое значение имеют современные тенденции: недавняя стандартизация черногорского языка, институционализация черногорской церкви, т. е. создание неканонической церкви наряду с Черногорско-Приморской митрополией, или форсирование использования латинского алфавита как доминантного (в официальной переписке, газетах... даже школах) и одного из двух гарантированных конституцией? Но роль другого, кириллицы, постепенно теряет значение.

Приближает ли все это Черногорию к Европе? Направлено ли это на достижение однородности ценностей идентичности современного, европейски ориентированного гражданского общества в Черногории? Почему не производится гомогенизация исторически утвержденных ценностей идентичности черногорцев? Обеспечивается ли с помощью такой «политики идентичности» интеграция «народов меньшинства» граж-

¹⁴ Андријашевић Ж. М. Читанка из историје Црне Горе: Индентитет. Књ. IV. Подгорица, 2015. С. 9.

¹⁵ Андријашевић Ж. М. Читанка из историје Црне Горе... С. 9.

данского общества в Черногории, или же через указанные новые категории идентичности открываются возможности для создания этнических разногласий?

Интересен следующий факт: при проведении переписи населения в 1981 г. национальный состав черногорского общества выглядел таким образом: черногорцы — 68,5 %, сербы — 3,3 %, мусульмане — 13,4 %, хорваты — 1,2 %, албанцы — 6,6 %. При проведении переписи населения в 2003 г. 43,16 % населения назвали себя черногорцами, сербов было 31,99 %, бошняков — 7,77 % албанцев — 5,03 %, мусульман — 3,97 %¹⁶. В данной переписи возникла новая этническая категория — бошняки. Результаты переписи населения, проведенной в 2011 г., были похожи на результаты предыдущей переписи. В Черногории тогда проживало 44,98 % черногорцев, 28,73 % сербов, 8,65 % бошняков, 3,31 % мусульман и 0,97 % хорватов¹⁷. Сравнительный анализ этих данных указывает на то, что с началом процесса активной работы по укреплению ценностей черногорской идентичности и получением страной независимости, численность населения черногорской национальности уменьшилась по сравнению с предыдущим периодом.

Данные, что на сербском языке, согласно последней переписи, говорит почти треть населения, указывают на то, что тенденция укрепления ценностей черногорской национальной идентичности не оказывает положительного влияния на этнический рост черногорского национального государства и рост числа черногорцев, которые должны составлять костяк нового национального государства.

Напрашивается вывод о том, что Черногория, поворачиваясь к Европе, становясь членом НАТО и принимая западные ценности идентичности, взяла новый исторический курс, по которому она проходит впервые в своей истории. В то же время остается открытым вопрос, можно ли теперь говорить о ее принадлежности к славянской культуре и цивилизации, или в какой степени (с учетом приобщения к новым принципам идентичности). Будущее покажет, насколько новая Черногория будет в состоянии сохранить свою позицию славянской страны и в какой степени ее историческое наследие будет подвергнуто изменениям и принята система ценностей западной цивилизации.

Данные о статье

Автор: Распопович, Радослав — научный советник, Исторический институт; профессор, Факультет политических наук; Исторический институт, Университет Черногории, Подгорица, Черногория, rader888@yahoo.com

Заголовок: Возможности сохранения и укрепления славянской идентичности в условиях распада славянских государств (на примере получения независимости Черногорией)

Резюме: Окончание холодной войны и победа модели либеральной демократии и рыночной экономики негативно отразились на ценностях идентичности славянской культуры в процессе создания новых национальных государств, возникших после развала СССР, прежней советской империи, существовавшей в Восточной Европе, и СФРЮ. В новых национальных государствах, возникших в тот период, идентичность была построена на принципах, противоречащих их прежним историческим традициям, сформировавшимся на основании элементов ценностей славянской культуры. Кроме этого, обращается внимание и на последствия процесса глобализации, произошедшей в результате революции информационных технологий, т. е. создание новых форм так называемого сетевого общества. В конечном счете, результат этих процессов был таковым, что при

¹⁶ URL: [www.monstat.org/userfiles/file/popis2011/saopstenje/saopstenje\(1\).pdf](http://www.monstat.org/userfiles/file/popis2011/saopstenje/saopstenje(1).pdf) (дата посещения — 09.07.2017).

¹⁷ URL: [www.monstat.org/userfiles/file/popis2011/saopstenje/saopstenje\(1\).pdf](http://www.monstat.org/userfiles/file/popis2011/saopstenje/saopstenje(1).pdf) (дата посещения — 09.07.2017).

создании новых национальных государств изменилась существующая в них система внутренних общественных ценностей. На смену восточной православной славянской культуре пришел Запад, ставший «единственной истинной образцовой территорией». Сущность политических усилий новых стран — «вхождение в Европу» и удаление от ценностей восточной цивилизации — показаны на примере Черногории, которая в течение последних веков, бесспорно, имела славянскую идентичность. Однако интеграция в ЕС и присоединение к НАТО, укрепление внутренней национальной идентичности как способ удаления от сербского культурного круга и восточной цивилизации приводят к ее ослаблению. Время покажет, в какой степени в Черногории будет сохранена ее славянская идентичность, а в какой степени будет принята система ценностей западной цивилизации.

Ключевые слова: идентичность, холодная война, славянство, этнос, культура, национальное государство, Черногория

Литература, использованная в статье

Andrijašević, Živko. Čitanka iz istorije Crne Gore: Indentitet. Kn. IV. Podgorica: Zavod za udžbenike i nastavna sredstva, 2015. 171 s.

Čalasan, Danijela Vuković. Nacionalni indentitet i globalizacija. Beograd: Udruženje za političke nauke Srbije; Čigoja štampa, 2011. 145 s.

Čolović, Ivan. Rastanak s indentitetom. Ogledi o političkoj antropologiji. Kn. 3. Beograd: Biblioteka XX vek, 2014. 202 s.

Čolović, Ivan. Zid je mrtav živjeli zidovi! Pad berlinskog zida i raspad Jugoslavije. Beograd: Biblioteka XX vek, 2009. 109 s.

Ćureti, Furio. Indentitet i politika. Zagreb: Politička kultura, 2006. 287 s.

Divjak, Slobodan. Nacija kultura i građanstvo. Zagreb: Službeni list, 2002. 422 s.

Kisindžer, Henri. Diplomacija. Knj. 2. Beograd: Verzal Press, 1999. 782 s.

Kjenjević, Jan. Uvod u istoriju civilizacije Istoka i Zapada. Beograd: Službeni glasnik, 2011. 465 s.

Šundić, Sonja Tomović. Indentitet i vrijednosti. Podgorica: Cnogorsko društvo nezavisnih književnika, 2010. 159 s.

Todorova, Marija. Imaginarni Balkan. Beograd: Biblioteka XX vek, 1999. 445 s.

Todorova, Marija. Dizanje prošlosti u vazduh. Ogledi o Bakanu i Istočnoj Evropi. Beograd: Biblioteka XX vek; Čigoja štampa, 2010. 236 s.

Vojvodić, Radmila. Crnogorski kulturni indentitet izlazak iz unutrašnjeg egzila // Crnogorske studije kulture i indentiteta. Zbornok. Cetinje: Fakultet dramskih umjetnosti, 2016. 344 s.

Welch, Stephen. Koncept političke kulture. Zagreb: Politička kultura, 2009. 245 s.

Arački, Zoran. Medijsko raspršnje balkanskih kultura // Традиција, модернизacija, indentitet. Дијалог култура и партнерство цивилизација на Балкану. Ниш: Издавачки центар, 2013. 740 с.

Гуськова, Елена Юрьевна. История югословенского кризиса (1990–2000). Москва: Русское право / Русский национальный фонд, 2001. 720 с.

Данилевски, Николај. Русија и Европа. Београд: Службени лист СРЈ, 1994. 455 с.

Самокал Јовановић, Александра. Традиционални стереотипи и модерне културне вредности као извора културног идентитета балканског народа // Традиција, модернизација, indentitet. Дијалог култура и партнерство цивилизација на Балкану. Ниш: Издавачки центар, 2013. С. 740;

Југославија у ХХ веку: Очерки очерки политичкој историји. Москва: Индрик, 2011. 880 с.

Information about the article

Author: Raspopovic, Radoslav Milanovic — Doctor of Juridical Science, a Science Advisor at the Historical Institute of Montenegro (ИЦГ); Full Professor at the Faculty of Political Sciences (FNP), Podgorica, Montenegro, rader888@yahoo.com

Title: Possibilities to have the Slavic Identity preserved and strengthened under the circumstances of the Slavic countries dissolution (on the example of Montenegro's regained independenc)

Summary: It has been found that the end of the Cold War conflicts and the victory of liberal democracy and market economy models negatively affected the Slavic cultural identity values, through the process of the creating new nation states originating after the collapse of the USSR and the dissolution of both the former Soviet Empire in the Eastern Europe and the Socialist Federal Republic of Yugoslavia. The new nation states, which originated at that time, were created on the principles contrary to their up-to-then historical traditions that had emerged from the Slavic cultural values-based elements. Besides, the attention has been given also to the globalization process consequences, previous advent of the global information technology

revolution, i. e. the creation of new purported networked societies. Eventually, the foregoing processes outcome was that creating new nation states induced the change in their respective earlier internal systems of social values. Instead of the Eastern Orthodox and Slavic culture, the West became: «...the only true region to take as the model». The new states' political efforts essence — specifically «joining Europe» and the drift from the Eastern Civilization values — has been illustrated by the example of Montenegro whose identity values had for centuries been unquestionably Slavic. Nevertheless, in the commenced EU integration and the NATO membership, while through the internal nation identity strengthening process as a way to drift from both the Serbian culture corpus and the Eastern Civilization, the said values started to gain the elements of *modernity* the development of which will inevitably be furthered by «joining Europe». Only time will tell to which extents Montenegro's earlier Slavic identity and the Western Civilization value system will be preserved and accepted respectively.

Keywords: identity, Cold War, Slavism, ethnos, nation state, Montenegro

References

- Andrijašević, Živko M. *Čitanka iz istorije Crne Gore: Indentitet* [Montenegro History Reading-Book: Identity]. Vol. IV. Podgorica: Institute for text Books and teachi g Aids, Zavod za udžbenike i nastavna sredstva, 2015. 171 p. (in Serbian).
- Aratski, Zoran. *Medijsko raskršhhe balkanskikh kultura* [The Media Crossroads of the Balkans Cultures], in *Traditsija, modernizatsija, indentitet. Dijalog kultura i partnerstvo tsivilizatsija na Balkanu*. Nis: Publishing center, 2013. 740 p. (in Serbian).
- Čalasan, Danijela Vuković. *Nacionalni indentitet i globalizacija* [National Identity and Globalization]. Belgrade: The Serbian political Science Association; Cigoja Press, 2011. 145 p. (in Serbian).
- Čolović, Ivan. *Rastanak s indentitetom. Ogledi o političkoj antropologiji* [Parting from Identity. Political Anthropology Experiments]. Vol. 3. Belgrade: The 20th Century Library Publ., 2014. 202 p. (in Serbian).
- Čolović, Ivan. *Zid je mrtav živjeli zidovi! Pad berlinskog zida i raspad Jugoslavije* [The Wall is Dead, Long Live the Walls! The Fall of the Berlin Wall and the Disintegration of Yugoslavia]. Belgrade: The 20th Century Library Publ., 2009. 109 p. (in Serbian).
- Čureti, Furio. *Indentitet i politika* [Identity and Politics]. Zagreb: Political Culture Publ., 2006. 287 p. (in Serbian).
- Divjak, Slobodan. *Nacija kultura i građanstvo* [Nation, Culture and Citizens]. Zagreb: Official gazette Publ., 2002. 422 p. (in Serbian).
- Danilevsky, Nikolay J. *Rusija i Evropa* [Russia and Europe]. Belgrade: Official Gazette of the Socialist Republic of Yugoslavia Publ., 1994. 455 p. (in Russian).
- Gus'kova, Elena Yur'evna. *Istoriya yugoslovenskogo krizisa (1990–2000)* [History of the Yugoslavian Crisis (1990–2000)]. Moscow: Russian Law / Russian National Fund Publ., 2001. 720 p. (in Russian).
- Kisindžer, Henri. *Diplomatija* [The Diplomacy]. Vol. 2. Belgrade: Verzal Press, 1999. 782 p. (in Serbian).
- Kjenjević, Jan. *Uvod u istoriju civilizacije Istoka i Zapada* [Introduction to the History of Eastern and Western Civilizations]. Belgrade: Službeni glasnik Publ., 2011. 465 p. (in Serbian).
- Samokal Jovanoviĥ, Aleksandra. *Traditsionalni stereotipi i moderne kulturne vrednosti kao izvora kulturnog indentiteta balkanskog naroda* [Tradition Stereotypes and Modern Cultural Values as sources of Cultural Identity of the Balkan nations], in *Traditsija, modernizatsija, indentitet. Dijalog kultura i partnerstvo tsivilizatsija na Balkanu*. Nis: Publishing Center, 2013. 740 p. (in Serbian).
- Šundić, Sonja Tomović. *Indentitet i vrijednosti* [Identity and Values]. Podgorica: Montenegrin Society of Independent Writers Publ., 2010. 159 p. (in Serbian).
- Todorova, Marija. *Imaginarni Balkan* [Imagining the Balkans]. Belgrade: The 20th Century Library Publ., 1999. 445 p. (in Serbian).
- Todorova, Marija. *Dizanje prošlosti u vazduh. Ogledi o Bakanu i Istočnoj Evropi* [Blasting the Past into the Air. Balkans and Eastern Europe Experiments]. Belgrade: The 20th Century Library Publ.; Čigoja Press, 2010. 236 p. (in Serbian).
- Vojvodić, Radmila. *Crnogorski kulturni indentitet izlazak iz unutrašnjeg egzila* [The Montenegrin Cultural Identity: Parting from the Internal Exile], in *Crnogorske studije kulture i indentiteta. Zbornok*. Cetinje: Faculty of Dramatic Arts Publ., 2016. 344 p. (in Serbian).
- Welch, Stephen. *Koncept političke kulture* [The Concept of Political Culture]. Zagreb: Politička kultura Publ., 2009. 245 p. (in Croatian).
- Jugoslavija v XX veke: Očerki očerki politicheskoy istorii* [Yugoslavia in the 20th century: Outlines of the Political History]. Moscow: Indrik Publ., 2011. 880 p. (in Russian).